

Посвящается покойному Джеймсу Крести

Главнейшая среди страстей-стихий
Их всех пожрет, как Ааронов змий.

Александр Поуп, «*Опыт о человеке*», Эпистола 2, строка 131
(Пер. В. Микушевича)

ГЛАВА 1

ОБВИНЕНИЯ

— Дамы и господа присяжные заседатели, вам предстоит отправиться в одиссею.

Так начал свою вступительную речь Джеральд Бойл на суде по делу Джеффри Дамера 30 января 1992 года. Это были слишком тяжелые, слишком зловещие слова для небольшого уютного здания суда в Милуоки, где юристы привыкли лишь дружелюбно болтать и подтрунивать друг над другом и где летом судья может позволить себе вести процесс в рубашке с короткими рукавами. Но на дворе стояло не лето, и в деле, которое собирался представить мистер Бойл, не было абсолютно ничего приятного или хоть немного утешительного. Интонацией своего голоса он определенно пытался предупредить сидящую перед ним аудиторию. За несколько месяцев подготовки к судебному процессу он ясно понял, что именно его ждет. Его задача — отворить окно в глубины извращений и беззакония, которые едва ли можно вообразить; при этом суметь заставить и себя, и присяжных рассуждать непредвзято, постараться понять преступника, не испытывая к нему отвращения. Кажется, Бойл пытается извиниться перед своими слушателями за то, что пытается отождествить себя с ними, чтобы дело, которое он собирал

ся им представить, не бросило тень и на него самого. Можно сказать, он дистанцировался от своего клиента. И к концу дня было совсем не сложно понять, почему.

Но для общественности эта одиссея началась уже в 23:30 вечером 22 июля 1991 года на углу Килборн-авеню и 25-й Северной улицы в Милуоки. Стояла знойная ночь, и, так как этот район города считался довольно неблагополучным, вечерами улицы часто становились ареной для многочисленных ночных конфликтов и драк. Двое полицейских, Рольф Мюллер и Роберт Раут, ехали в патрульной машине, привычно готовые ко всему, но в то же время расслабленные. Они уже точно не ожидали никаких серьезных происшествий, когда их неожиданно остановил 32-летний темнокожий мужчина по имени Трейси Эдвардс. С левого его запястья свисали наручники. Патрульная машина притормозила, и офицеры Раут и Мюллер вышли из нее. Эдвардс сказал им, что наручники нацепил на него «какой-то псих», и попросил полицейских их снять.

— Я просто хочу их снять, — пояснил он.

Офицеры попытались открыть наручники, но их ключи к этой модели не подошли. Сумей они это сделать, Эдвардс, скорее всего, поблагодарил бы полицейских и отправился домой — он жил на Килборн-авеню и мог спокойно дойти пешком. И тогда извращенная драма, дело рук Джеффри Дамера, оставалась бы скрытой от мира в течение еще нескольких недель или даже месяцев.

Офицеры проявили любопытство: каких-либо серьезных подозрений у них не было, но тем не менее Трейси Эдвардс очевидно застрял в наручниках. Он отвел полицейских в квартиру, расположенную в доме № 924 на 25-й Северной улице, где, по его словам, и жил тот самый «псих». В этом многоквартирном доме

в основном проживали чернокожие или азиатские семьи. Но человек, обитавший в квартире № 213, был белым, и именно к нему примерно в половине седьмого Эдвардс пришел в гости.

Трое мужчин постучали в дверь. Им открыл 31-летний мужчина, рост метр восемьдесят, со светло-русыми волосами и очками на голове, которого звали Джеффри Л. Дамер. Молодой человек с правильными чертами лица был бледным и каким-то безрадостным. Придерживая открытую дверь, Дамер пригласил их войти. В маленькой, но приятно обставленной гостиной полицейские увидели большое удобное кресло, массивный цветочный горшок на высокой подставке, на полу — восточный ковер, а на окнах — синие шторы. Несколько прекрасных картин на стене и фотография голого мужчины модельной внешности в рамке довершали интерьер. Комнату нельзя было назвать убогой или грязной; она даже казалась на удивление чистой и опрятной для жилья, расположенного в подобном месте.

Поначалу Дамер шел на контакт, но на вопросы отвечал расплывчато. Он сказал, что работает на шоколадной фабрике «Амброзия» в центре города. Дамера спросили про наручники, почему не удастся их открыть и нет ли у него каких-либо психических отклонений. Дамер признался, что это он надел наручники на Эдвардса, но не мог объяснить почему. Эдвардс же пошел еще дальше и сказал, что Дамер угрожал ему большим ножом. Тот никак на это не отреагировал, но ответил, что ключи от наручников должны быть в спальне, и указал на дверь. Он пригласил офицера Мюллера пройти, но затем, казалось, что-то вспомнил — и ринулся к двери сам. Но офицер Раут попросил его отойти.

Между тем Мюллер сразу заметил, что под кроватью действительно лежит большой нож, а в открытом верх-

нем ящике комода — множество полароидных фотографий обнаженных мужчин. Просмотрев их, он с ужасом понял, что на многих из них изображены отрубленные головы, расчлененные конечности, разлагающиеся человеческие торсы; по окружающей обстановке на фотографиях было понятно, что это не коммерческая поделка — их сделали в той же спальне. Ошарашенный Мюллер вернулся в гостиную с фотографиями в руке.

— Эти фото настоящие, — сказал он Рауту.

В этот момент Дамер, казалось, пришел в себя. Пытаясь его задержать, Раут подошел к нему, и двое мужчин, сцепившись в борьбе, упали на пол. Полицейский, удерживая Дамера за руку, сел на него сверху, но тот сумел протянуть другую руку и с силой ущипнуть Раута за бедро. Раут вскрикнул от боли, к нему подскочил Мюллер, чтобы помочь обезвредить Дамера. Они вызвали еще одну патрульную машину, и в 23:50, когда подозреваемый лежал прижатым к полу, на место прибыл офицер Шессоу. Он вернулся в машину за наручниками, и уже после этого Джефффри Дамера соответствующим образом арестовали.

Для Дамера это стало концом очень долгого пути — но для полиции же он только начинался. Трейси Эдвардс рассказал, что Дамер надел на него наручники, когда он подошел к холодильнику, чтобы взять пиво. При этом хозяин квартиры предупредил, что Эдвардс увидит там кое-что и не поверит своим глазам. Рольф Мюллер открыл дверцу холодильника и обнаружил на нижней полке картонную коробку, в которой лицом вверх лежала отрубленная голова чернокожего мужчины. Он быстро закрыл дверцу.

Дамер, которого все еще прижимали к земле, в этот момент повернул голову и проговорил:

— За то, что я сделал, я должен умереть.

После этого офицеры позвонили в бюро уголовных расследований, и вскоре после полуночи крошечная квартира Дамера была забита полицейскими, медицинскими работниками и пожарными.

В 00:05 первым на место происшествия прибыл детектив Джеймс Девалкенаэр. Он начал осматривать спальню и составлять опись найденных в квартире Дамера предметов; Майкл Дабис и Патрик Кеннеди, которые прибыли на место в 00:15, приступили к допросу подозреваемого. Через шесть месяцев именно Кеннеди в полной тишине зала суда зачитает первую часть признательных показаний. В 00:30 об инциденте оповестили офис судебно-медицинской экспертизы округа Милуоки и конкретно доктора Джеффри Джентцена, который немедленно сообщил обо всем своим коллегам. Ширли Гейнс прибыла в квартиру в 00:45, доктор Аллен Стормо присоединился к ней в час ночи, а затем прибыл и сам доктор Джентцен с помощником судмедэксперта доктором Джоном Теггацом. Еще один полицейский, Джеймс Шенекер, также прибыл туда вместе с экспертом по идентификации Ральфом Бэзиллом. Именно эти двое провели ночь, делая фотографии места происшествия и предметов, которые нужно было забрать оттуда, — всего сто шесть снимков. Последним, вместе с лестницей и специальным приспособлением — «устройством для перевозки потенциально опасных материалов», — прибыл начальник пожарной охраны Кевин Кларк. С помощью этого оборудования он собирался забрать из спальни большую синюю бочку, источавшую ядовитый химический запах.

Тем временем подозреваемого в сопровождении детектива Патрика Кеннеди увезли в полицейский участок для первого допроса, который длился почти шесть часов — с полвторого ночи до 7:15 утра. После этого

Дамера будут допрашивать еще два часа, а в течение двух следующих недель его ждет множество подобных бесед, по длительности сравнимых с марафонским забегом. Подозреваемый не только смирился и начал сотрудничать со следствием, но и сам захотел во всем сознаться: снять с души груз, избавиться от невыносимых и отравляющих ему жизнь воспоминаний.

— Думаю, в каком-то смысле я и сам хотел, чтобы все это закончилось, — признается он намного позже, — даже если это уничтожит и меня самого.

Само признание он представлял себе как «очищение и... обновление»¹. Джефффри Дамер рассказал постоянно моргающему детективу Кеннеди, который и не подозревал о совершении каких-либо преступлений, что за прошедшие четыре года он убил в Милуоки шестнадцать человек, причем шестерых из них — в течение последних нескольких недель; рассказал, что он обезглавил, расчленил и обезличил тела, а все, что от них осталось, выбросил в мусор; что некоторые из черепов он оставил себе, а некоторые тела поместил в кислоту, чтобы они полностью растворились. Рассказал, что началось все еще в 1978 году в штате Огайо, когда он кувалдой расчленил свою первую жертву и разбросал эти части в лесу; что троих мужчин он убил и расчленил в доме своей бабушки; а затем — ровным, мягким и монотонным голосом — сообщил, что потребуется примерно час, чтобы сварить человеческую голову.

От внезапно свалившейся на него информации детектив Кеннеди пребывал в легком шоке; он вышел из комнаты для допросов в оцепенении и сомнениях, сообщив одному из своих коллег, что Дамер, должно быть,

¹ Все цитаты приведены по архивам бесед Джефффри Дамера с доктором Кеннетом Смейлом.

фанатик или псих. Одного Кеннеди еще не знал: пока он всю ночь допрашивал Дамера, следователи в квартире 213 собирали доказательства, подтверждающие каждое слово его признания. Кеннеди дали понять, что он слушал не исповедь претенциозного, жаждущего внимания чудака, а голые факты, лишённые выдумки и эмоций. Это и стало переломным моментом.

Пришло время узнать, что именно было найдено в квартире Дамера. Это поможет нам понять, какой информацией обладали окружной прокурор, адвокат Джеральд Бойл и казавшийся бесконечным парад психологов и психиатров, одни из которых прилагали тяжёлые и даже мучительные усилия, стремясь понять, что именно случилось и почему; в то время как другие пытались смягчить уже известные факты и привести дело к благоприятному исходу. Но никто из них не приступал к делу, заранее не вооружившись хоть какой-либо информацией, — так что не будем и мы.

Двери квартиры 213 — и внешняя, и внутренняя — надёжно защищены несколькими замками и сигнализацией. На стенах в спальне и в коридоре — несколько плакатов с обнажёнными позирующими мужчинами, явно призванными привлечь внимание человека с гомосексуальными наклонностями. В квартире нашлось несколько пустых банок из-под пива и много грязной посуды, а также большое количество порнографических видео, снятых в основном в Калифорнии. Среди фильмов Дамера — «Коктейлс», «Высокий, темный и красивый», «Зажигай», «Суровые парни — 2», «Суровые парни — 3», «Стриптиз» и «Волна тропической жары». Всего два видео оказались неэротического содержания, их названия несколько раз будут упомянуты на суде: «Экзорцист — 2» и «Звездные войны: Возвращение джедая». Как ни странно, на видеокассетах так-